

Op 91
3 38

И. М. ЗАХАРЬИН
Граф В. А. Перовский
и его зимний
поход в Хиву

1901 г.

РФГ-28984

РРС 78984
Ор. 9
3-38
11-24
И. И. Захаринъ (Якунинъ).

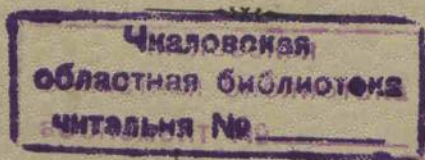
ГРАФЪ В. А. ПЕРОВСКІЙ

и его

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣнь у французовъ.— Письма изъ Италіи.— Дружба съ Жуковскимъ.— Кончина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.
1901.

У. Н. Захарынъ (Якунинъ).

ГРАФЪ В. А. ПЕРОВСКІЙ

и его

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣнъ у французовъ.— Письма изъ Италіи.— Дружба съ Жуковскимъ.—Кончина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ.

Чкаловская
областная библиотека
абонемент № _____

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.
1901

Дружба Жуковского съ Перовскимъ *).

Идеальная, трогательная дружба существовала, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, между поэтомъ—Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, и съ виду суровымъ, но столь-же добрымъ и нѣжнымъ въ душѣ воиномъ — Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ. Много было звеньевъ, которыя могли связывать этихъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ людей первой половины недавно минувшаго столѣтія. Главнымъ звеномъ была ихъ взаимная любовь и глубокое уваженіе другъ къ другу. Между ними было то „родство души“, въ существованіи котораго сомнѣвался поэтъ Лермонтовъ. Чистая, какъ горный хрусталь, душа поэта, его нѣжное, любящее сердце, выдающійся умъ и крупный поэтический талантъ встрѣтились съ душою столь-же благородною и свѣтлою, съ сердцемъ столь-же искреннимъ и любящимъ, но болѣе мужественнымъ и закаленнымъ въ житейскихъ буряхъ—и, въ добавокъ, съ умомъ, столь-же обширнымъ и яснымъ, къ коему присоединялся, какъ-бы взаимнѣ поэтического таланта, весьма большой здра-

) Матеріалами для настоящей статьи, отчасти неизданными, послужили, преимущественно, письма графа В. А. Перовскаго къ В. А. Жуковскому, числомъ болѣе пятидесяти, переданныя сыномъ поэта, Павломъ Васильевичемъ, послѣ смерти отца, по его желанію, гр. А. А. Толстой, отъ которой эти матеріалы и поступили недавно ко мнѣ — при любезномъ разрѣшеніи пользоваться ими для печати.

вый смысл. Затѣмъ, оба они были очень образованными людьми — и оба-же были чрезвычайно близки къ семьѣ великаго князя Николая Павловича и къ нему самому, — и впослѣдствіи, когда великій князь сталъ императоромъ, оба они были осыпаны милостями царя и на обоихъ были возлагаемы царскія порученія величайшей важности. Такъ, на Жуковского было возложено воспитаніе юнаго наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича; на Перовскаго, ставшаго впослѣдствіи графомъ, возлагались не разъ чрезвычайныя военныя порученія — и, между прочимъ, онъ былъ назначенъ, въ 1839 году, главнымъ начальникомъ военной экспедиціи въ Хиву, а затѣмъ, позднѣе, въ 1851 году, оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, войска коего, подъ его начальствомъ, взявъ крѣпость Акъ-Мечеть, положили начало завоеванію кокандскаго ханства *).

Было и еще нѣчто одинаковое въ судьбѣ этихъ людей: оба они были, какъ извѣстно, незаконнорожденные. Одинъ былъ сыномъ помѣщика Бунина и плѣнной турчанки, другой — побочнымъ-же сыномъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго **).

*) Изъ времени перваго губернаторства Перовскаго въ Оренбургѣ, въ 30-хъ годахъ, слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, два интересныхъ событія: первое — это пріѣздъ въ Оренбургъ Пушкина, ради составлявшейся имъ въ то время „Исторіи Пугачевского бунта“, и Жуковского, сопровождавшаго (въ 1837 году) наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ его путешествіи по Россіи. Оба — и Пушкинъ, и Жуковскій — жили, за время своего пребыванія въ Оренбургѣ, у Перовскаго, въ его квартирѣ въ караванъ-сарай, — въ губернаторскомъ домѣ, *противъ Вознесенск. церкви*.

**) Графъ А. К. Разумовскій, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія (сынъ гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго) былъ женатъ на графинѣ В. П. Шереметевой, вскорѣ послѣ брака разошелся съ женою и не имѣлъ возможности получить формальный разводъ; потому и не могъ усыновить Перовскаго и его братьевъ.

× Караван-Сарай построенъ въ 1842-43 гг.

нымъ происхожденіемъ, очень мало, повидимому, покоившемъ этихъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, одинъ изъ нихъ, Перовскій, впослѣдствіи мѣтко и зло посмѣялся въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Жуковскому, которое помѣщается ниже.

Впрочемъ, и въ этой дружбѣ, какъ и всегда, одинъ изъ нихъ отчасти главенствовалъ надъ другимъ: Жуковскому принадлежала первенствующая роль; по крайней мѣрѣ, Перовскій, будучи человѣкомъ въ высшей степени скромнымъ и застѣнчивымъ, самъ находилъ, что онъ „стоитъ ниже“ своего уже знаменитаго въ то время друга, который невольно, быть можетъ, подавлялъ его своею ученостью и поэтическимъ талантомъ.

Этихъ двухъ замѣчательныхъ людей связывало между собою еще и то обстоятельство, что оба они были всѣмъ обязаны лишь самимъ себѣ. Протекціи Жуковскій не имѣлъ совсѣмъ, а Перовскій хотя и имѣлъ ее *), но она была для него излишня: такъ велики

*) Вотъ письмо (1821 года) великаго князя Николая Павловича къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому (отцу Перовскаго). Изъ него мы узнаемъ, что Николай Павловичъ взялъ на себя трудъ напомнить отцу Перовскаго о сынѣ, о судьбѣ и благосостояніи котораго гр. Разумовскій, очевидно, не слишкомъ-то много заботился. Это письмо очень важно еще и по слѣдующимъ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, мы видимъ, какимъ близкимъ человѣкомъ къ вел. кн. былъ Перовскій; а во-вторыхъ, изъ этого письма можно предполагать, что Николай Павловичъ, когда писалъ его и просилъ о Перовскомъ, не зналъ, что онъ будетъ въ скоромъ времени императоромъ и легко сможетъ, помимо равнодушнаго отца, сдѣлать счастливымъ близкаго къ нему человѣка. Письмо это мы приводимъ съ подлинника; оно появляется въ печати впервые. Вотъ оно:

„Vous serez peut-être étonné de la demande que je fais près de vous, mais vous connaissant trop pour douter de votre générosité je ne crains pas de m'adresser à vous, pour plaider une cause qui doit vous être tout aussi chère qu'à moi. Il s'agit du bien-être de mon cher Peroffs. et de toute sa famille. Vous êtes sûrement au fait de l'amitié sincère que je lui porte, il est donc bien naturel que tout ce-

были его личныя способности и такъ исключительны были его самые первые шаги, несчастія и отличія на государственной службѣ. Извѣстно, что, получивъ воспитаніе въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ военную службу колонновожатымъ (тогдашній генеральный штабъ) и вскорѣ-же попалъ въ плѣнъ къ французамъ. Это случилось такъ. Перовскій, оставшійся на нѣсколько часовъ въ Москвѣ, во время вступленія въ нее арміи Наполеона I, былъ измѣнническимъ образомъ схваченъ, сочтенъ за шпиона и приговоренъ къ разстрѣлянію. Случайность спасла его отъ смерти, но не спасла все-таки отъ плѣна,—и онъ, обобранный французскими солдатами, прошелъ пѣшкомъ изъ Москвы во Францію,

qui le regarde m'intéresse vivement. Le savoir heureux et tranquille pour tous les siens et pour lui-même m'est un besoin véritable. Il m'est donc plus qu'affreux de savoir le contraire. Cependant je dois le craindre, Monsieur le Comte, s'il n'obtient rien de votre générosité; son bonheur et celui de sa famille entière ne dépend que de vous seul et j'espère vous connaître assez pour être sûr que vous ne voudrez pas abandonner un être qui vous doit son existence et qui par tous les titres possibles mérite la première place dans votre coeur. Si mes prières peuvent être de quelque poids à vos yeux, permettez que je les adresse à vous pour cet objet, qui me tient trop à coeur pour vous le cacher et faites que je n'aie jamais besoin de douter de votre bonté et de votre justice. J'ajouterai encore qu'il est impossible d'unir plus de qualités estimables à plus d'amabilité que ne possède Basile. Il m'est vraiment bien cher et je lui ai voué une amitié bien sincère, persuadé qu'elle ne peut être mieux placée. Vous voyez donc que je suis bien à excuser dans *mes prétentions* si j'avais besoin d'excuse dans tout ce que je viens de vous exposer. — Aussi je suis bien persuadé que je ne reverrai Peroff., que bien tranquilisé sur son bonheur, etc.

„Veuillez croire, Monsieur le Comte, à ma parfaite estime et à la haute considération avec lesquelles j'ai l'honneur d'être

„Votre très-affectionné Nicolas“.

Къ этому письму слѣдуетъ пояснить еще вотъ что. Великій князь написалъ и отправилъ свое письмо безъ вѣдома самого Перовскаго, который не разъ говорилъ впоследствии, что „если-бы зналъ, то никогда не допустилъ-бы этого ходатайства за себя.

безъ денегъ, теплаго платья и даже безъ сапогъ, отнятыхъ конвойными. Затѣмъ, спустя почти два года, узнавъ, что союзныя арміи вступили во Францію, онъ бѣжалъ изъ Орлеана, гдѣ подъ карауломъ содержались плѣнные (русскіе, англичане и испанцы) — и добрался таки до русскаго отряда, благодаря главнымъ образомъ, прекрасному знанію французскаго языка.

Испытанныя Перовскимъ въ плѣну лишенія и страданія обратили на него, по возвращеніи въ Россію, особое вниманіе вел. кн. Николая Павловича, который, узнавъ его ближе, ввелъ потомъ, какъ и Жуковскаго, въ свою семью. Впослѣдствіи, однако, Перовскій, сравнительно, не сдѣлалъ такой блестящей карьеры, на которую могъ рассчитывать и которую могъ ожидать — какую сдѣлали, напр., графы Адлерберги, Орловъ, Бенкендорфъ и даже Клейнмихель и Нессельроде: его замѣчательно прямой и нетщеславный характеръ, острый, хотя и не злой языкъ и глубокое отвращеніе отъ лжи, низкопоклонничества и лести *), сдѣлали то, что онъ не оставался въ Петербургѣ, вблизи двора, постоянно, — и лучшіе годы своей службы, въ царствованіе Николая Павловича, провелъ на окраинахъ Россіи — въ Оренбургѣ и частію на Кавказѣ. Эти же его качества, столь цѣнимыя въ немъ Жуковскимъ, создавали ему массу враговъ, бросавшихъ ему, при всякомъ удобномъ случаѣ, палки въ колеса... Графы Чернышевъ и Нессельроде и даже кн. Меншиковъ не мало вредили Перовскому на всѣхъ путяхъ его, въ особенности за время неудачнаго зимняго похода въ Хиву. Одинъ Жуковскій оставался преданъ и вѣренъ ему до конца своей жизни, — и, уже будучи почти слѣпымъ, написалъ ему, ошущью, по подкладываемой подъ руку линейкѣ, письмо изъ Бадена,

*) Въ дневникѣ великаго князя Николая Павловича, 1824 года имѣются, напр., слѣдующія строки: „Сегодня я далъ В. Перовскому крестъ, а онъ, встрѣясь, даже не поблагодарилъ меня“.

полное любви и заботы о своемъ далекомъ другѣ. Письмо это было писано въ іюлѣ 1851 года — и было послѣднимъ письмомъ Жуковского.

Лишь одинъ разъ, въ 1824 году, то-есть, за двадцать-семь лѣтъ до написанія этого письма, крѣпкую и неразрывную дружбу этихъ двухъ людей омрачила небольшая, набѣжавшая тучка... Правда, размолвка ихъ продолжалась всего нѣсколько дней — и закончилась полнѣйшимъ примиреніемъ; но, тѣмъ не менѣе, она произошла, — и о ней мы расскажемъ здѣсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она представляетъ нѣкоторый интересъ.

Къ этой маленькой размолвкѣ, оказывается, было примѣнимо извѣстное французское изреченіе — „cherchez la femme“. Произошла она въ Аничковомъ дворцѣ. Жуковский и Перовскій, будучи холостыми людьми, стали вздыхать по одной и той же фрейлинѣ, графинѣ Самойловой, остававшейся къ нимъ — увы! — совершенно равнодушной. Въ своей любви къ этой строгой красавицѣ Перовскій, будучи отъ природы болѣе откровеннымъ, признался впервые своему другу, Жуковскому, который поступилъ при этомъ случаѣ вполне дружески и даже съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ: онъ не только подавилъ въ себѣ личное чувство зарождающейся любви, но еще и написалъ своему другу слѣдующее посланіе — не особенно важное, какъ увидимъ, по своимъ стихотворнымъ достоинствамъ, но дышащее любовью къ „товарищу“ и искреннимъ желаніемъ ему успѣха и счастья. Вотъ это стихотвореніе:

„Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сознался:—
Къ любви была душа близка,
Въ ней также пламень загорался,
Животворитель бытія,—
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала:
Опять о счастья мнѣ шептала

Мечта—знакомецъ старины!..
 Дорогой странникъ утомленный,
 Узрѣвъ съ холма неотдаленный
 Предѣлъ родимой стороны,
 Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ,
 И жаднымъ взоромъ различаетъ
 За горизонтомъ отчій кровь
 И слышитъ снова шумъ дубовъ,
 Тѣхъ самыхъ, что давно шумѣли
 Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
 Въ виду родительскихъ гробовъ:—
 Онъ небо узнаетъ родное,
 Подъ коимъ счастье молодое
 Ему сказалося впервой
 Незыяснимымъ упованьемъ,
 Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ,
 Невыразимою тоской!..
 Живымъ— утраченное мнится;
 Онъ снова гость минувшихъ дней:—
 И снова жизнь къ нему тѣснится
 Всей милой прелестью своею...
 Таковъ былъ я одно мгновенье!—
 Прелестно-быстрое видѣнье
 — Давно не посѣщавшій другъ—
 Меня внезапно навѣстило,
 Меня внезапно уманило
 На первобытный жизни лугъ!
 Любовь мелькнула предо мною...
 Съ возобновленною душою
 Я къ лирѣ бросился моею,—
 И подъ рукой нетерпѣливой
 Бывалый звукъ раздался въ ней,—
 И мертвое—мнѣ стало живо,
 И снова на бездушный свѣтъ
 Я оглянулся, какъ поэтъ...
 Но—удались, мой посѣтитель!
 Не у меня тебѣ гостить—
 Не мнѣ о жизни возвѣстить
 Тебѣ, святой благовѣститель!..
 Товарищъ! мной ты не забыть;
Любовь друзей не раздружитъ
Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ,
 Едва отвѣданнымъ душой,

Подорожу ль *передъ тобой*,
 Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?!..
 Я вижу, молодость твоя
 Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ—
 И страсть, убійца бытія,
 Тебя безмолвно убиваетъ...
 Давно веселости ужъ нѣтъ!
 Гдѣ остроты пріятной живость,
 Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
 Товарищъ грустный! молчаливость
 Повсюду слѣдомъ за тобой:
 Ты, молча, радостей дичишься—
 И къ жизни холоденъ, дружишься
 Съ одной убійственной тоской,
 Владѣльцемъ сердца одинокимъ...
 Мой другъ! съ участіемъ глубокимъ
 Я часто на лицѣ твоёмъ
 Ловлю души твоей движенія—
 Болѣзнь любви безъ утolenья
 Изображается на немъ:
 Склоненность робкая *предъ ней*,
 Несвязность смутная рѣчей
 Въ желанномъ сердцу разговорѣ...
 Перерывающійся гласъ...
 Къ тому, что окружаетъ насъ
 Задумчивое невниманье;
 Присутствіе (ея)—очарованье
 И неприсутствіе—тоска,
 И трепетъ, признакъ страсти тайной,
 Когда послышится случайно
 Любимый гласъ издалека...
 И это *все*, что сердцу ясно.
 А выраженью не подвластно.—
 Сія примѣты знаю я!
 На то мой жребій далъ мнѣ право...
 Но то, въ чемъ сладость бытія,
 Должно ли быть его отравой?
 Нѣтъ, милый, ободрись: *она*
 Столь восхитительна не даромъ.
 Души глубокой чистымъ жаромъ
 Сія краса оживлена!
 Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ:
 Подъ сей веселостью живой

Задумчивое что-то скрыто;
 Уныло-сладостное слито
 Съ сей оживленной красотой..
 Въ ней что-то искреннее дышитъ,—
 И въ миломъ голосѣ ея
 Довѣрчиво душа твоя
 Какой-то звукъ знакомый слышитъ..
 О, ввѣрься жъ, другъ, душѣ прекрасной!
 Ужель природою напрасно
 Ей столько милаго дано?..
 Люби! любовь и жизнь—одно!
 Предаясь ей, забывъ сомнѣнье,
 И жребій жизни соверши:
 Она пойметъ твое мученье,
 Она пойметъ языкъ души!...“ *)

Будучи годами старше своего „товарища“ и друга и уступивъ ему дорогу, Жуковскій рассчитывалъ, вѣроятно, что Перовскій преуспѣетъ въ своемъ ухаживаньи и „жребій жизни совершитъ“, т. е. женится на гордой и неприступной графинѣ С—овой. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то: романъ Перовскаго подвигался впередъ очень медленно... Около этого времени, между друзьями и произошла, совершенно случайно, слѣдующая небольшая размолвка.

Въ Аничковомъ дворцѣ, въ апартаментахъ проживавшаго тамъ великаго князя Николая Павловича былъ домашній танцевальный вечеръ. Маленькія дѣти великаго князя, ихъ воспитательницы и нѣсколько фрейлинъ, въ числѣ коихъ была и графиня С—ова, танцевали подъ рояль. Перовскій и Жуковскій присутствовали также на этомъ вечерѣ; Перовскій былъ особенно оживленъ,—много танцевалъ—съ дѣтьми и съ графиней С—овой—и до того увлекся въ танцахъ, что слегка „карычился“, т. е. кривлялся... Великая княгиня Александра Ѳеодоровна не присутствовала на вечерѣ, такъ какъ ея

*) Это стихотвореніе, а равно и одно изъ писемъ покойнаго Жуковскаго, были когда-то напечатаны въ одномъ изъ московскихъ журналовъ.

не было дома. На другой день, Жуковский явился къ ней для урока русскаго языка, которые онъ ей въ то время давалъ; а затѣмъ, на вопросъ великой княгини— какъ былъ проведенъ вечеръ наканунѣ, поэтъ разсказалъ, что всѣ очень веселились, что были танцы, въ которыхъ онъ, Жуковский, не принималъ участія, но что Перовскій былъ особенно въ духѣ, много танцевалъ и „карячился“ съ дѣтьми... Великая княгиня, еще мало въ то время знакомая съ русскимъ языкомъ, не поняла, по всей вѣроятности, этого слова какъ бы слѣдовало— и въ разговорѣ своемъ въ тотъ же день съ Перовскимъ, сообщила ему, что ей извѣстно, какъ онъ веселился наканунѣ съ ея дѣтьми и какъ онъ „карячился“... Вотъ изъ-за этого-то слова и загорѣлся весь сыръ-боръ...

Перовскій, тотчасъ же послѣ разговора съ великой княгиней, отправился къ Жуковскому объясняться. Между ними произошелъ крупный разговоръ, въ концѣ котораго Перовскій такъ вспылилъ, что сказалъ Жуковскому: — Дуракъ!

Кроткій и любвеобильный поэтъ ограничился лишь тѣмъ, что сказалъ Перовскому: — Пошелъ вонъ!

Перовскій ушелъ. А затѣмъ... затѣмъ, начались взаимныя терзанія и мученія двухъ добрейшихъ и благороднѣйшихъ людей, горячо любившихъ другъ друга... На другой же день размолвки, Жуковский не вытерпѣлъ— и написалъ своему вспыльчивому другу слѣдующее письмо, дышащее юморомъ и любовью и въ которомъ вылилась отчасти нѣжная и благородная душа поэта. Вотъ это письмо, гдѣ Жуковский обращается къ другу уже *на вы*:

„Василій Алексѣевич!

„Думалъ ли я, что первый листъ изъ новокупленной мною бумаги у г-на Ольхина употреблю на то, чтобы своими письменными убѣжденіями стараться укротить гнѣвъ вашъ, произведенный нашими обоюдными грубыми непристойностями?!.. Боже мой, какъ невѣрна жизнь

человѣческая!—Два друга, дышавшіе, кажется, до сихъ поръ единогласно, въ совокупности и, такъ сказать, въ единственномъ числѣ,—хотя они сами и во множественномъ,—два Пилада, два Ореста, можно сказать даже два Данона и Пидіаса—вдругъ, въ одну минуту, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, свирѣпѣютъ: одинъ, въ какомъ-то бѣснотворномъ неистовствѣ, говорить другому: „Дуракъ!“, а тотъ, въ помѣшательствѣ остервенѣнія, отвѣтствуетъ: „Пошелъ вонъ!“

„И что же? Раздраженный, негодующій другъ *идетъ вонъ*—идетъ и не возвращается!.. И за что все сіе?—за бѣсовское навожденіе! за танцевальное искусство, въ которомъ и тотъ и другой не искусны... Господи, Боже мой! Что же такое Твоя жизнь, данная намъ для блага и на то, чтобы мы, посредствомъ добродѣтели, удостоивались Твоего рая?!.. Давно говорить пословица: „ляжешь живой, а встанешь мертвый“!..

„Василій Алексѣевичъ! Я не для того сказалъ вамъ „пошелъ вонъ“, чтобы и въ самомъ дѣлѣ вы пошли вонъ, а для того, чтобы вы пошли вонъ *изъ гнѣва* и возвратились-бы въ милость. Вѣдь вы назвали меня „дуракомъ“... Ну, какой-же я „дуракъ“?! Развѣ не читали вы моихъ стихотвореній? *Такъ* дураки не пишутъ. Прочитайте-ка одно, которое начинается такъ: „Товарищъ, вотъ тебѣ рука!“—и увидите, что я знаю то, что говорю. А если я и сказалъ ея императорскому высокочеству государынѣ великой княгинѣ о томъ, что вы карячились, танцуя съ дѣтьми, то я этимъ еще не оскорбилъ ни чести вашей, ни дружбы — и могу безъ угрызенія совѣсти повторить вышеупомянутое стихотвореніе. Его-же теперь надобно повторить съ большимъ колыханіемъ сердца, ибо врагъ близко и нуженъ союзъ, чтобы его побѣдить.

„Василій Алексѣевичъ! „Подивонъ“—значить *подисуди*!

Пребываю Вашъ покорнѣйшій слуга-дуракъ
Василій Жуковскій“.

Перовскій не замедлилъ отвѣчать своему другу. Въ письмѣ его, въ началѣ писанномъ *на вы*, все еще про- скальзываетъ неуспокоившееся неудовольствіе, — и только въ концѣ письма онъ переходитъ на прежнее сер- дечное *ты* и заключаетъ его первую строкою выше- приведеннаго стихотворенія Жуковскаго. Вотъ его письмо:

„Василій Андреевичъ!

„Когда, по вашему приглашенію, я „вышелъ вонъ“, то это потому только, что уже прежде *вышелъ изъ себя*, — и когда сошелъ съ „лѣственницы“, то самъ примѣтилъ, какъ я противъ васъ стою низко, но проклятое само- любіе увѣрило меня, что если поднимусь опять къ вамъ, то унижусь...

„Впрочемъ, „дуракъ“ не значить, что я почитаю васъ глупымъ: мнѣ-бы приличнѣе было назвать васъ *болту- номъ*, а сии послѣдніе бываютъ и *не дураки*; такимъ-то и я васъ почитаю душевно. Мнѣ было досадно видѣть, что нельзя просто ни чихнуть, ни каплянуть, чтобы вы тотчасъ-же не перенесли-бы то и другое къ ея вы- сочеству; а между тѣмъ, это не принадлежитъ, по мо- ему мнѣнію, къ урокамъ, вами преподаваемымъ.

„Поговоримъ о дѣлѣ. Что значить — „врагъ близ- ко“?... Пожалуйста, напиши мнѣ поскорѣе; самому придти къ тебѣ никакъ теперь нельзя.

„Товарищъ, вотъ тебѣ рука!“

В. Перовскій“.

Въ pendant къ этому письму, Перовскій, переходя уже на шуточный тонъ, но все еще предполагая, что другъ интересуется „извѣстною дѣвой“, отправилъ ему слѣдующее посланіе съ препровожденіемъ ея перчатки и проч.

„Василій Андреевичъ!

„При семъ посылаю вамъ перчатку и уголокъ платка извѣстной вамъ дѣвы. Душевно желаю, Василій Андреевичъ, чтобы вы смотрѣли на сіи принадлежности, какъ и я на нихъ смотрѣлъ—какъ на простую тряпку и на простую лайку, и чтобы весна, а особенно горячее лѣто, нашли-бы васъ совершенно охлажденнымъ. Горе вамъ, Василій Андреевичъ, если будетъ тому противное! Въ случаѣ (чего, однако-же, еще не предвижу), когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы рѣшительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу васъ убѣдительноше, Василій Андреевичъ, дайте мнѣ знать чрезъ кого-нибудь о сей счастливой переменѣ, дабы мы вмѣстѣ и торжественно предали-бы землѣ, водѣ, или огню, всѣ эти перчатки, платки, ленточки и фруктовыя косточки... Ахъ, Царь Небесный! что это за праздникъ будетъ!... Повѣрьте, что минута, въ которую я увѣрюсь, что вы сдѣлались порядочнымъ человѣкомъ, будетъ пріятнѣйшею въ моей жизни! Но—не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой!..

В. Перовскій“.

Изъ этого письма очевидно, что Перовскій рѣшилъ порвать свое ухаживанье за гордой красавицей и стать склонять къ тому же и Жуковского.

На этомъ тогда и закончилась маленькая размолвка, происшедшая между близкими друзьями. Затѣмъ, дружба ихъ никогда уже и ничѣмъ не нарушалась—до самой смерти одного изъ нихъ, Жуковского, умершаго ранѣе (въ 1852 году). Иногда только подозрительный по характеру Перовскій, котораго Жуковский все-таки продолжалъ импонировать своею ученостью, начиналъ упрекать своего друга за лѣность въ перепискѣ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, отправленномъ изъ Спа, гдѣ Перов-

скій лечился и гдѣ пребывала, въ это же время, и семья великаго князя Николая Павловича, онъ писалъ своему другу, оставшемуся въ Петербургѣ, слѣдующее:

...„Не стану упрекать тебя въ твоёмъ молчаніи: лѣтнюю назвать его и мало, и нельзя, зная, что ты писалъ великой княгинѣ уже *четыре раза*,—и не по письму, а всякій разъ по цѣлой тетради. Не хочу также входить въ сравненіе твоихъ отношеній къ ея высочеству съ моими отношеніями къ тебѣ,—не хочу взыскивать, въ правѣ ли ты, писавши такъ часто и много ей, совѣмъ не писать мнѣ?... Мнѣ извѣстенъ твой, весьма справедливый на счетъ ея, образъ мыслей; а потому, усматривая, какъ легко тебѣ и пріятно превозмочь лѣтъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы писать ея высочеству, я вижу также, что ты не находишь никакого удовольствія писать *мнѣ*, или получать отъ меня письма,—и еще не довольный тѣмъ, что не пишешь, взялъ еще какое-то странное (а *prétention*) обѣщаніе съ великой княгини не показывать получаемыхъ ею отъ тебя писемъ. Изъ всего этого вотъ что для меня ясно: ты чувствуешь меня слишкомъ ниже себя и не находишь достойнымъ своей дружбы, особенно въ отдаленіи. Живя въ обществѣ вмѣстѣ, ты, конечно, можешь быть со мною въ нѣкоторой связи, разговаривать, иногда смѣяться (*cela ne tire pas à conséquence*)... но если бы, будучи разлучены, я сказалъ, что получаю отъ тебя письма, или даже, что получилъ хотя одно письмо отъ тебя, то въ глазахъ всякаго это было бы для меня слишкомъ лестно, а тебѣ не дало бы никакой выпуклости (*relief*). Однако-жъ, всякая тварь имѣетъ о себѣ выгодное понятіе; а потому, если-бы великая княгиня (которую люблю не изъ подражанія тебѣ, и которая не одобритъ скромнаго твоего молчанія) не изъяснила желанія, чтобы я писалъ къ тебѣ, то я рѣшился уже не брать пера въ твою пользу.

„Ахенскія воды такъ мало, пока, помогли мнѣ, что я остаюсь еще на мѣсяцъ въ Ахенѣ—и, вѣроятно, до-

гону его высочество *) только въ Петербургѣ. Прошайте, Василій Андреевичъ“.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, на томъ-же самомъ листѣ почтовой бумаги большого формата, Перовскій изливаетъ свою скорбь на лѣтность и молчаніе нѣжно любимаго имъ друга въ слѣдующей, чрезвычайно интересной „аллегоріи“, которую онъ и посылаетъ Жуковскому подъ видомъ „перевода“ съ китайскаго:

„Одна изъ провинцій китайскаго государства въ особенности извѣстна страннымъ обычаемъ родителей, которые почти всегда оставляютъ дѣтей своихъ, съ нѣкотораго возраста, совершенно на произволъ судьбы, даютъ имъ какое-либо выдуманное имя и находятъ удовольствіе въ томъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ сами узнать ихъ не могутъ... Въ Китаѣ общее имя симъ несчастнымъ: *Василій*. Два такихъ Василія, оставленные родными, встрѣтившись, почувствовали, по сродству участи, одинъ къ другому нѣкоторую дружбу... По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ думалъ, что дружба эта—искренна, и долго обманывалъ себя... Но время, которое всѣмъ обманчивымъ чувствамъ возвращаетъ настоящій видъ, отдало и сей мнимой дружбѣ должную справедливость. Случилось это вотъ какъ. Оба Василія попали ко двору и были приняты въ службу одного изъ принцевъ высокой крови китайскихъ императоровъ,—и одинъ Василій, который былъ немного чернѣе и умнѣе своего товарища, воспользовался малыми сими преимуществами ему поручили обучать молодую принцессу (которая была монгольскаго поколѣнія) китайскому языку. Нѣсколько лѣтъ исполнять онъ порученіе сіе, а товарищъ его, не примѣчая гордости чернаго Василія и не зная даже, чѣмъ могъ бы онъ противу него гордиться, старался поддерживать, по прежнему, старинную связь ихъ

*) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, пріѣзжавшемъ къ своей семьѣ, находившейся за границей.

и дружбу. Но черный Василій, мало-по-малу отдаляясь отъ него, воспользовался первою разлукою, забылъ его, не писалъ ему, а писалъ только принцессѣ, увѣряя ее на китайскомъ діалектѣ въ искренной приверженности и привязанности. Принцесса, которая начинала уже говорить и понимать по-китайски и не зная, какъ зовутъ Василія чернаго по отцу, отвѣчала ему:

— „Сукинъ сынъ Василій! не вѣрю я твоимъ увѣреніямъ! Кто измѣнилъ дружбѣ, тотъ не заслуживаетъ вѣры ни въ какомъ другомъ чувствѣ. Товарищъ твой, хотя бѣлѣе и глупѣе тебя, но добрѣе... А потому, какъ скоро воротишься ты ко двору моему, повелѣно будетъ гофъ-мужику наказать тебя воловьими жилами по голымъ пяткамъ“.

„Прощай, сукинъ сынъ Василій!“

Это и есть то самое письмо, въ которомъ остроумный Перовскій зло вышучиваетъ своего „чернаго“ (т.-е. смуглаго) друга за его манкированіе въ перепискѣ, подтруниваетъ надъ своимъ и Жуковскаго нелегальнымъ рожденіемъ и родителями, оставившими ихъ „на произволъ судьбы“ и говорить, въ то же время, объ обязанностяхъ Жуковскаго при особѣ великой княгини Александры Ѳеодоровны... Письмо это, повидимому, подѣйствовало на Жуковскаго и отчасти достигло цѣли: по крайней мѣрѣ, въ имѣющихся у насъ письмахъ Перовскаго, писанныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ году, не встрѣчаются уже горькія сѣтованія на молчаніе Жуковскаго, — хотя легкіе упреки въ этомъ смыслѣ все еще иногда проскальзываютъ въ письмахъ. Такъ, напр., въ письмѣ изъ Екатеринодара, Перовскій благодаритъ своего друга за „присланныя вѣсти“ (вырѣзки изъ газетъ)—и затѣмъ пишетъ:

...„Тебя не смѣю просить писать мнѣ; а не худо бы: съ твоей стороны это была бы черта благородная, даже

человѣколюбивая, а ты вѣдь къ этому способенъ. Здѣсь сравнительно съ Петербургомъ, эти свѣдѣнія гораздо важнѣе: тутъ узнать не отъ кого. Изъ всѣхъ даровъ Екатерины—Екатеринодаръ, конечно, самый пакостный; его описать трудно: это не городъ и не село; домовъ мало, улицъ много, но теперь по нимъ никто не ходитъ, потому что ни ходить, ни даже ѣздить нельзя — грязь лошадямъ по-брюхо. Нынче утромъ я, на довольно росломъ конѣ, хотѣлъ-было проѣхаться, но принужденъ былъ воротиться вспять, такъ какъ конь мой погрязъ, едва я выѣхалъ за ворота.

„Прощай, любезный Василій! напиши хоть нѣсколько словъ твоему вѣрному товарищу—В. Перовскому“.

Очевидно, Перовскій находилъ неотразимую для себя потребность въ письмахъ Жуковского. Что отвѣчалъ на эти сѣтованія своему другу поэтъ Жуковский и чѣмъ онъ объяснялъ и оправдывалъ свое иногда продолжительное молчаніе, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, такъ какъ всѣ его письма были Перовскимъ, передъ смертью, сожжены—за исключеніемъ двухъ, помѣщаемыхъ въ настоящей статьѣ. Это сожженіе писемъ Жуковского и др. представляется актомъ нѣсколько поспѣшнымъ—и произошло такъ. Пріѣхавъ въ Крымъ, въ имѣніе Алупку, позднею осенью 1857 года, тяжело больнымъ и чувствуя приближеніе смерти, Перовскій рѣшилъ сжечь *все* письма, имѣвшіяся при немъ, такъ какъ въ виду отсутствія при себѣ кого-либо изъ близкихъ лицъ и не зная навѣрное, пріѣдутъ-ли они и когда (телеграфа въ Крымъ въ то время еще не было); онъ не хотѣлъ, чтобы эти письма попали въ постороннія руки. И вотъ, когда онъ уже привелъ это въ исполненіе, то къ нему въ Крымъ, за десять дней до его кончины, пріѣхали братъ графъ Б. А. Перовскій и графиня А. А. Толстая. На ихъ рукахъ онъ и скончался.

Тѣ два письма Жуковского, которыя приводятся въ этой статьѣ, уцѣлѣли отъ ауто-да-фе случайно—какъ

хранившіяся, въ качествѣ особо важныхъ и интересныхъ писемъ, въ отдѣльномъ портфелѣ Перовскаго.

Затѣмъ, изъ одного письма Перовскаго, писаннаго къ Жуковскому изъ Италіи, эта потребность переписки признается и объясняется всего лучше самимъ же Перовскимъ. Письмо это замѣчательно еще и въ другихъ отношеніяхъ. Оно, во-первыхъ, очень характерное по стилю Перовскаго, всегда остроумному, сжатому и, въ то же время, очень сердечному и благородному; во-вторыхъ, это письмо, писанное холостымъ и блестящимъ свитскимъ офицеромъ, преподаетъ скромному Жуковскому нѣкій *кодексъ любви* вообще и отношеній къ любимой женщинѣ въ частности; а въ-третьихъ, Перовскій говоритъ въ своемъ письмѣ о великой борьбѣ грековъ за освобожденіе. Этимъ письмомъ начиналась цѣлая серія интересныхъ писемъ Перовскаго къ Жуковскому изъ Италіи, которыя, годъ спустя, Жуковскій напечаталъ, подъ заглавіемъ: „Отрывки писемъ изъ Италіи“, въ альманахѣ Дельвига на 1825 годъ „Сѣверные цвѣты“,—и напечаталъ безъ предваренія Перовскаго, желая сдѣлать ему пріятный сюрпризъ. Вотъ это письмо изъ Флоренціи, отъ 15 августа 1823 года.

„Ты отгадалъ, Жуковскій, я на тебя гнѣвался и хотѣлъ было болѣе къ тебѣ не писать, но твое дружеское и лестное письмо обезоружило меня. Я согласенъ на условіе; только держи его свято: три письма моихъ за одно твое; торгъ для меня выгоденъ, и если бы я былъ самолюбивъ, то могъ-бы, пожалуй, возгордиться такою оцѣнкою моихъ писемъ, особенно, когда ты требуешь ихъ „какъ любитель литературы“... Но — я самъ умѣю цѣнить свой товаръ: раздаю его бесплатно и знаю, что онъ годенъ только для *немногихъ*; твои-же письма для меня истинно необходимы: во-первыхъ, потому, что въ каждомъ изъ нихъ ты пересылаешь мнѣ нѣсколько искръ чистаго огня, которымъ могу зажигать мои *фонари*; а во-вторыхъ, и потому, что—мнѣ кажется—нельзя аукать

въ лѣсу, зная впередъ, что никто не откликнется... Ты на одинъ фрейлинскій взглядъ, на одну улыбку отвѣчаешь мадригаломъ, а я требую отъ тебя не отвѣтовъ (на мои письма отвѣчать нечего), а отвѣчай лишь на дружбу.

„Я молчалъ тоже и оттого, что писать было не о чемъ. Давно уже я сижу во Флоренціи, а въ ней, кромѣ картинныхъ галлерей, которыя давно описаны, нечего болѣе описывать.

„Относительно-же твоего желанія узнать мои мысли на извѣстную тему, скажу слѣдующее. По-моему, послѣ несчастія быть несчастнымъ въ любви, самое ужасное, это—*казаться, безъ любви, влюбленнымъ*... И это еще, пожалуй, хуже перваго. Увѣрять женщину въ чувствѣ, котораго не чувствуешь, — грѣшно; но еще грѣшнѣе, увѣривъ ее въ этомъ, вывести затѣмъ изъ заблужденія. Ничто, кажется, не можетъ дать право нанести ей вдругъ ударъ—и ея любви, и самолюбію!.. Вотъ *мой кодексъ*. Человѣкъ, въ такихъ случаяхъ, долженъ быть самъ себѣ и обвинитель, и судья—и судья строгій.

„Обманъ въ любви принятъ свѣтскими законодателями не считать обманомъ; оставить женщину не считается у нихъ проступкомъ... А по-моему, это—истинное преступленіе и противъ чести, и противъ сердца. Я думаю, что и твое убѣжденіе будетъ, въ этомъ случаѣ, согласно съ моимъ.

„Теперь о другомъ. Греки съ турками воюютъ. „Святые союзники“ глядятъ на нихъ и говорятъ: „Намъ некстати вмѣшиваться въ чужія дѣла... Къ тому-же, грекамъ стоитъ только привыкнуть, — они тогда и сами одолѣютъ турокъ“. А между тѣмъ, турки ихъ рѣжутъ и мучаютъ... Мнѣніе „святыхъ союзниковъ“ для грековъ, конечно, очень лестно; но я опасаясь, что пока греки „привыкнутъ“—турки могутъ всѣхъ ихъ вырѣзать... — Твой В. Перовскій“.

Наступилъ, затѣмъ, 1825-й годъ. Великій князь Николай Павловичъ сталъ императоромъ. Жуковскій сдѣлался лицомъ очень близкимъ—уже не къ великокняжескому, а къ императорскому двору; на него возложено было дѣло чрезвычайной важности—воспитаніе малолѣтняго наслѣдника престола, Александра Николаевича. Перовскій же попалъ совсѣмъ не туда, куда могъ бы разсчитывать попасть человекъ съ выдающимися, имѣвшимися въ немъ, талантами администратора и военачальника; онъ былъ назначенъ „правителемъ канцеляріи“ морского министерства. Послуживъ на этой должности очень короткое время, Перовскій послалъ изъ Вѣны гдѣ онъ находился въ отпуску, для свиданія съ отцомъ гр. Разумовскимъ), на имя великаго князя Михаила Павловича, письмо, содержаніе котораго становится отчасти извѣстнымъ изъ слѣдующаго, очень характернаго письма его, отправленнаго одновременно и къ Жуковскому, стоявшему въ то время на высотѣ своего служебнаго положенія при дворѣ императора Николая:

„Жуковскій!

„Твое письмо я получилъ въ Вѣнѣ. Ты угадалъ, что буду на тебя сердиться, но угадалъ также, что и прощу тебя. Признайся, однако, что сердился я не напрасно?.. И простивши, не могу еще извинить тебя. Обо всемъ поговоримъ подробнѣе, когда увидимся; увидимся мы скоро—но надолго-ли? Не знаю. Моя будущность не въ моихъ рукахъ...

„Прежде, нежели направлю свои шаги въ Петербургъ, хочу знать—на какой ногѣ придется мнѣ тамъ стоять? Когда я уѣзжалъ изъ Россіи, великій князь *) думалъ, что будетъ весьма трудно замѣнить меня въ должности правителя канцеляріи; я зналъ, что онъ ошибается, и что скоро перемѣнитъ мнѣніе. Поэтому, если

*) Рѣчь идетъ о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

я теперь, возвратясь, сяду на свое мѣсто, не говоря ни слова и не объяснившись, великій князь можетъ подумать, что я нахожусь на свой счетъ въ томъ заблужденіи, изъ котораго онъ уже вышелъ и въ которомъ я никогда не былъ. Итакъ, я написалъ ему; вотъ *текстъ* моего письма (которое, если хочешь, можешь видѣть у Адлерберга); я подозреваю, что не гоюсь болѣе въ „правители канцеляріи“—и знаю навѣрное, что въ такомъ случаѣ не годенъ ни на что другое. Къ сему „тексту“ прибавилъ я нѣсколько варіацій.

„Мое настоящее расположеніе и всегдашняя наклонность влекутъ меня изъ службы; а нѣкоторые обстоятельства и нѣкоторые люди понуждаютъ и совѣтуютъ еще въ ней остаться; но быть лишнимъ, бесполезнымъ я не соглашусь: я прошусь въ отставку—и прошусь убѣдительно; откажутъ—это будетъ мнѣ лестно, но не весьма пріятно; согласятся—будетъ пріятно, но не такъ лестно. Но я предпочитаю пріятность безъ лести—лести безъ пріятности. Притомъ же, *дворъ* я никогда не считалъ для себя надежною пристанью; всегда былъ готовъ поднять якорь и распустить паруса—прежде чѣмъ морской вѣтеръ разобьетъ меня о берегъ, или же береговой выгонитъ насильно въ море...

„Два слова о тебѣ. Занятія твои меня пугаютъ: мнѣ кажется, что ты—какъ *Жуковский*—потерялъ теперь для друзей, какъ давно уже для нихъ потерялъ, *какъ поэтъ*. Гдѣ найдешь ты время бесѣдовать съ нами?... Но объ этомъ переговоримъ, когда увидимся.—Прощай, до свиданья! Что бы ни было со мною, товарищъ, вотъ тебѣ рука, вотъ тебѣ двѣ; одну дай Александрѣ Андреевнѣ *) и будь здоровъ“.

Желаніе Перовскаго исполнилось: въ должности „правителя канцеляріи“ его замѣстило другое лицо,—

*) Александра Андреевна Воейкова—родная племянница Жуковского, которую Перовскій очень уважалъ.

и онъ продолжалъ жить и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ дружественныя отношенія между нимъ и Жуковскимъ оставались такъ-же любовны и искренни, и все такъ же Перовскій продолжалъ иногда роптать на „гнусную лѣнь“ своего друга въ перепискѣ. Для болѣе полной характеристики ихъ тогдашнихъ—въ началѣ царствованія Николая Павловича—отношеній, а также и нѣкоторыхъ событій того времени—при дворѣ и въ литературѣ—приведемъ здѣсь два письма Перовскаго *изъ Петербурга* къ Жуковскому, находившемуся за границей. Годъ на этихъ письмахъ не выставленъ, но можно предполагать, что они писаны въ зиму съ 1826-го на 1827-й годъ.

29 ноября (1826 г.).

„Любезный Васинька!

„Я весьма обрадовался, получивъ милое письмо твое; это—уже второе съ отъѣзда твоего, и я столь часто не ожидалъ отъ тебя грамотъ, хотя и имѣю на нихъ нѣкоторое право. Но ты вѣдь баловать не любишь: теперь общаешь не писать болѣе до апрѣля, а я, желая походить на тебя какъ можно ближе, произношу таковой же объѣтъ!.. Будучи совершеннымъ господиномъ своихъ занятій, все-таки неучтиво съ твоей стороны объявлять, что почти шесть мѣсяцевъ не будешь болѣе писать мнѣ. Если бы этотъ отдыхъ нуженъ былъ для твоего здоровья, или даже если бы бумага, на которой ты пишешь ко мнѣ, была нужна для какой-нибудь другой твоей нужды, я не сказалъ бы ни слова и даже часто посылалъ бы тебѣ письма для наружнаго употребленія; но этого нѣтъ; слѣдовательно, твое заранѣе обдуманное молчаніе будетъ не что иное, какъ гнусная лѣнь.

„Я просилъ твоимъ именемъ Блудова писать тебѣ, онъ общалъ „подумать“... Знаешь-ли ты, что онъ, Блу-

довъ, сдѣланъ товарищемъ мужа Шишкова? *) Вообще, этотъ выборъ одобренъ гласомъ народа, который теперь вправѣ ожидать нѣкотораго просвѣщенія. Блудовъ сказалъ Шишкову:—*„Товарищъ! вотъ тебѣ рука!“* А Шишковъ отвѣчалъ Блудову: *„И жизнь отцвѣтшая моя надеждой новой возгорится“*...

„Говорятъ также (но это еще не вѣрно), что Дашковъ будетъ товарищемъ Ланского,—и это было бы не дурно. Вас. Павл. Барыкова родила сына... Не знаю отчего, вслѣдъ за Ланскимъ, пришли мнѣ на умъ родины? Можетъ быть, оттого, что сей мужъ нѣкоторымъ образомъ похожъ на бабу.

„Зная, что для тебя письмо не въ письмо, если не говорить въ немъ о твоей квартирѣ, скажу, что я непремѣнно займусь всѣми улучшеніями, которыя внушить мнѣ вкусъ и дружба касательно твоего ложемента: *вы* желали—исполняю; улыбнетесь—награжденъ; трудъ бездѣлкой почитаю, когда вамъ онъ посвященъ,—Василій Андреевич!..

„Одно мѣсто твоего письма перенесло меня въ давно прошедшее. Ты говоришь объ остаткахъ примадонны *Сандрени*—и удивляешься, не находя въ ней ничего, что бы могло плѣнять... Другъ мой! тому уже двѣнадцать лѣтъ, какъ она меня плѣняла, и не меня одного, а начиная отъ толстаго Репнина *jusqu'au plus mince officier de son état major*, всѣ были ею очарованы: тогда ни голосъ ея, ни сама она не дрожала. Сними теперь съ ея костей двѣнадцать лѣтъ—и увидишь, что ей было тогда двадцать восемь. Прощай!“

Укоры Перовскаго своему другу за намѣреніе не писать въ теченіе шести мѣсяцевъ подѣйствовали на него, и онъ отвѣчалъ ему въ скорости,—что мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма (на которомъ тоже нѣтъ года).

*) Шишковъ состоялъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія.

„Всегда любезный мнѣ, въ особенности же, всегда любимый мною Жуковскій!

„По предыдущему твоему письму, я ожидалъ отъ тебя слѣдующее письмо только въ апрѣлѣ. Вообрази же, какъ я обрадовался и еще больше удивился, получивъ еще письмо и увидавъ въ календарѣ, что у насъ только январь... Если не ошибаюсь, то, кажется, только моя неисправность послужила причиною исправнаго твоего писанья: именно, тебѣ бы хотѣлось имѣть болѣе подробностей о твоей квартирѣ, а особливо—планъ ея. Нѣтъ, братъ, не обманешь!—пришлю, такъ перестанешь писать!.. Подожди,—но не безпокойся.

„Вяземскій прислалъ мнѣ, для отправленія къ тебѣ, цѣлый пучокъ журналовъ; я распоролъ его и вытащилъ оттуда письмо, которое, не читая, посылаю тебѣ; журналы же получишь немного погоды, черезъ курьера.

„Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ тебѣ о дѣлахъ „Инвалида“: ты знаешь, что на 27-ой годъ онъ оставленъ за В. *) на прежнемъ основаніи; теперь есть надежда что и послѣ не совсѣмъ онъ отойдетъ отъ В.—Государь былъ столько добръ, что велѣлъ переговорить съ В. и придумать какой-либо способъ, чтобы, увеличивъ доходы инвалидовъ, не совсѣмъ лишать дохода и В.—Объ этомъ императора никто не просилъ, и это сдѣлано собственно имъ самимъ. Дай Богъ, чтобы дѣло это устроилось!

„Блудовъ *est tres scandalisé*, что ты ему ни разу не писалъ; ему же теперь истинно нѣтъ времени и на записку: все занято его новою должностію и разными комитетами.

„На сей разъ объ Александрѣ Николаевичѣ скажу только два слова; послѣ буду писать подробнѣе: онъ продолжаетъ успѣвать во всемъ; премилый, предобрый

*) Тутъ рѣчь идетъ о Воейковѣ—редакторѣ „Русскаго Инвалида“, часть доходовъ съ котораго рѣшено было отчислять въ инвалидный капиталъ.

и дающій большія надежды ребенокъ; нельзя не любить его всѣмъ сердцемъ; про тебя вспоминаетъ всегда съ тою же привязанностью. Великія княжны также съ каждымъ днемъ становятся прелестяѣе. Весело хвалить когда можно хвалить безъ лести, а тутъ къ счастью, можно распространить таковую безпристрастную хвалу и на самого императора. На его счетъ теперь одинъ голосъ: все, что въ продолженіе года можно было сдѣлать безъ крутыхъ переворотовъ—сдѣлано и дѣлается, злоупотребленія выводятся и наказываются, коль скоро ихъ открываютъ,—и тѣ, коимъ должно бояться, сдѣлались уже гораздо осторожнѣе не только въ столицѣ, но и внутри государства. Надобно надѣяться, что современемъ осторожность эта обратится въ настоящую добродѣтель; притомъ же, покуда мы наживемъ безкорыстныхъ судей и безпристрастныхъ начальниковъ, можно будетъ довольствоваться и плутами, если они, хотя отъ страха, будутъ исправно играть роль честныхъ. Всѣ дивятся неутомимой дѣятельности императора. Быть можетъ, дѣятельность эта происходитъ отъ порочнаго образованія учреждений, но несомнѣнно, что во всемъ государствѣ онъ болѣе всѣхъ трудится,—и этотъ примѣръ прекрасенъ, если не будетъ забытъ тѣми, кои должны ему подражать.

„Прощай, любезный Жуковский! цѣлую тебя въ морду. 25-го января. В. Перовскій“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, писанномъ 1-го января 1828 года изъ Екатеринодара, куда Перовскій былъ посланъ государемъ для разслѣдованія злоупотребленій, онъ уже оставляетъ миролюбивый тонъ относительно „пристрастныхъ начальниковъ“ и „плутовъ“, сильно возмущается своею честною душою и тотчасъ же спѣшитъ подѣлиться своими ощущеніями съ другомъ. Вотъ это интересное письмо:

„Января 1-го, 1828 года. Екатеринодаръ.

„Ты хочешь, чтобы я писалъ тебѣ, любезный мой Василій, но, право, не пишется—и не отъ лѣпи, а отъ какого-то душевнаго engourdissement... Дѣль пропасть; почти каждый день сижу надъ ними часовъ до двухъ ночи; но—дѣла все мерзкія, отвратительныя: грабительства, притѣсненія бѣдныхъ, и тому подобное. Я хотѣлъ избѣжать въ жизни производства слѣдственныхъ дѣлъ—и попалъ сюда какъ куръ во щи... Теперь у меня *четыре* дѣла, каждое листовъ по 600 и болѣе, а это только начало дѣлъ, и каждое изъ нихъ я непременно долженъ прочитать отъ листа до листа, сдѣлать выписки, запросы и всякую дьявольщину, и при томъ еще читать бумаги, писанныя на малороссійскомъ діалектѣ, гдѣ, напримѣръ, Гома зовется Хомою, а хуторъ—футоромъ, и т. под. Скука смертельная!.. Одно только и утѣшаетъ меня, что пребываніе мое здѣсь непременно должно принести пользу,—если не такую, которая бы была замѣтна въ Петербургѣ, то ужъ навѣрное чувствительную для угнетеннаго здѣшняго края. *Ты не повѣришь, до какой степени черноморскіе аристократы притѣсняли народъ!* Турецкіе паши никогда не налагали такихъ тяжестей на бѣдныхъ грековъ,—и греки, къ тому же, всегда находили себѣ защитниковъ, а черноморскій казакъ—безгласенъ: его бьютъ, сосутъ, а жаловаться запрещаютъ! За то, въ нихъ такъ мало осталось удальства и молодечества ихъ предковъ—запорожцевъ; это настоящія мухи въ лапахъ у пауковъ... Въ любой русской губерніи, даже въ самой глухой и темной, можно все-таки найти съ кѣмъ поговорить,—если не съ мѣстнымъ уроженцемъ и обывателемъ, то съ заѣзжимъ или отставнымъ; а здѣсь—повѣришь-ли?—въ цѣлой губерніи не съ кѣмъ слова вымолвить; и суцая бѣда, если набредешь на черноморскаго ученаго: точно попалъ на заднюю скамейку низшаго класса уѣзднаго

училища!.. Ни къ селу, ни къ городу, начнетъ разсказывать анекдоты про царя Македонскаго и тому подобныя новости: вретъ—и божится, и увѣряетъ, что онъ читалъ все это въ какой-то хорошей исторіи.

„Теперь здѣсь смѣняется черезъ день или грязь непролазная и непроходимая, или глубокій снѣгъ, изъ котораго на слѣдующій день опять грязь... Говорятъ что это *la belle saison du pays!*.. а весны и лѣта даже и старожилы боятся,—тогда отъ лихорадокъ нѣтъ спасенья и ничѣмъ нельзя отъ нихъ защититься и избавиться.

„Надѣюсь окончить порученіе прежде, чѣмъ получу лихорадку; а если къ тому времени не кончу, то поминай какъ звали!.. А *propos de какъ звали:* нынче, любезный мой Василій, твои и мои именины.. Позволь мнѣ поздравить и тебя, и себя, и пожелать тебѣ счастья болѣе, чѣмъ себѣ желаю; а я себѣ его желаю довольно, да что-то не идетъ... Все равно, авось къ тебѣ придетъ,—тогда половину уступишь мнѣ; разумѣется, половину не такую, какъ прибрѣтаетъ себѣ Кавелинъ: на этакія „половины“ я не имѣю претензіи.. А каковъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ Кавелинъ! сколько счастья вдругъ привалило: и женихъ, и генералъ,—начиная съ плечъ и нисходя до.....! Прощай! не забывай твоего Перовскаго“.

Въ томъ же 1828 году, наступила турецкая война, на которую императоръ Николай Павловичъ отправился лично. Мы знаемъ, кто изъ приближенныхъ любимцевъ императора пожелалъ раздѣлить съ нимъ труды походной жизни—графы Адлербергъ, Бенкендорфъ, Орловъ, и др.,—но преданный государю полковникъ Василій Перовскій не только провожалъ государя на войну, но даже принялъ и въ сраженіяхъ личное участіе. И среди боевыхъ трудовъ и ужасовъ войны онъ имѣлъ время

писать коротенькія, летучія письма къ своему далекому другу, Жуковскому, который тоже не забывалъ писать и ему. Такъ, напримѣръ, изъ лагеря подъ Анапой, отъ 13-го мая 1828 года, Перовскій пишетъ:

„Между ядрами турокъ съ одной стороны и пулями черкесъ съ другой, на дождѣ, получилъ я и прочелъ письмо твое, любезный другъ Василій, о петербургскихъ новостяхъ. Что сказать тебѣ! Я могу теперь писать тебѣ лишь очень рѣдко и мало: ни день, ни ночь покою нѣтъ. *До сихъ поръ я здоровъ.* Пиши чаще и знай, что сообщенія такъ трудны, что мое молчаніе не должно никого беспокоить. Прощай, любезный другъ! Цѣлую и обнимаю тебя.—В. Перовскій“.

Точно почувствовалъ Перовскій, отправляя это письмо, что вотъ-вотъ должно случиться съ нимъ что-нибудь недоброе: не даромъ онъ написалъ: „*до сихъ поръ я здоровъ*“... и сообщалъ, что онъ будетъ писать „лишь очень рѣдко и мало“ и просилъ писать *ему* „чаще“... Слѣдующее за этимъ письмо Перовскій могъ написать лишь пять мѣсяцевъ спустя—8-го октября 1829 года; онъ былъ тяжело раненъ пулею въ грудь, которую тогдашніе полевые хирурги долго не могли вырѣзать. Вотъ письмо этого крѣпкаго и мужественнаго человѣка.

8-го октября.

„Я получилъ письмо твое, милый другъ, отъ неизвѣстнаго числа и мѣсяца. Твоя радость знать меня живымъ не удивила меня; но я хочу теперь еще болѣе обрадовать тебя: я *почти здоровъ*;—спереди рана закрылась, сзади тоже *скоро закроется*; остается боль въ груди, но которая меня не мучить и не беспокоить. Вотъ, видишь, Васька, какъ я скоро оправился!.. Что-то будетъ на будущій годъ? Кажется, придется опять грудь подставлять; да пройдетъ ли опять по нынѣшнему?!. Какъ досадно, что Варна взята безъ меня! Ну, что бы стоило тому же туркѣ попасть въ меня мѣсяцемъ позже!..

„Я надѣюсь скоро выѣхать отсюда—то-есть, дней черезъ десять. Въ дорогѣ останусь около двадцати дней; значить, въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ будущаго обниму тебя.

„Новостей тебѣ не пишу никакихъ; все вѣрно знаешь самъ, а чего не знаешь,—скажутъ пріѣзжающіе отъ насъ, съ войны.

„Пожалуйста, уйми Воейкова: онъ завелъ преглушую брань съ Булгаринымъ; я вижу это изъ „Пчелы“ и изъ „Инвалида“, и вижу, что это можетъ кончиться очень дурно для Воейкова,—то-есть, онъ легко можетъ лишиться редакціи. Булгаринъ не безъ умысла напечаталъ въ одномъ и томъ же номерѣ „Пчелы“ отвѣтъ Воейкову и панегирикъ брату Бенкендорфа... Воейковъ сто разъ обѣщалъ мнѣ не печатать въ „Инвалидѣ“ никакихъ литературныхъ браней,—у него есть на то особый н.... къ „Славянину“, и Булгаринъ подѣломъ арриве sur ce que «l'Invalide» est une gazette officielle, où on ne peut se permettre de mauvaises plaisanteries.

„Прощай, другъ души! обнимаю тебя. В. Перовскій“.

Вышеприведенное письмо дорисовываетъ прекрасными штрихами личность друга Жуковского—его выносливую, желѣзную натуру, его преданную любовь къ своему другу, котораго онъ, человѣкъ, лежащій на одрѣ болѣзни, съ незакрышеюся еще раною, причиненной, послѣ турецкой пули, ножомъ хирурга, спѣшитъ увѣрить, что „почти здоровъ“... Въ то же время, этотъ тяжело раненый и изрѣзанный человѣкъ интересуется „преглуною бранью“, которую завелъ редакторъ „Инвалида“ съ недобросовѣстнымъ Булгаринымъ, опирающимся на Бенкендорфа: онъ отлично понимаетъ предательскій ударъ Булгарина и боится за Воейкова—и старается его предупредить и предостеречь... Да, Жуковский едва ли могъ найти и выбрать себѣ лучшаго друга, какъ Перовскій!

Когда одного изъ друзей, Перовскаго, постигло тяжкое горе—смерть отца, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, котораго онъ, въ глубинѣ и въ тайнѣ своей доброй и нѣжной души, сильно любилъ, несмотря на то, что не получилъ отъ этого отца ни имени, ни состоянія, то горе свое онъ тотчасъ же повѣдалъ другу, въ слѣдующемъ письмѣ:

Почепъ. 10-го апрѣля.

„Все кончено, любезный другъ!.. Какъ ни спѣшилъ я, пріѣхалъ все-таки поздно: графъ скончался на другой день моего выѣзда изъ Петербурга. Скорая ѣзда доставила мнѣ, однако-же, послѣднее утѣшеніе—еще разъ взглянуть и проститься съ покойникомъ, для чего пришлось изъ тѣлѣги попасть прямо въ церковь. Думаю, мнѣ не нужно описывать тебѣ мое душевное состояніе... Послѣ трехлѣтней разлуки, нашелъ я отца въ гробѣ!.. Несмотря на всѣ старанія мои, я могъ лишь съ трудомъ узнать нѣкоторыя только черты обезображеннаго уже смертью лица его... Утѣшительно звать, какъ оставилъ онъ жизнь эту: кто и звалъ его, удивился твердости, христіанской покорности въ мученіяхъ и спокойствію, съ каковыми ожидалъ онъ приближенія смерти!.. Въ продолженіе десяти сутокъ, ожидалъ онъ каждую минуту послѣдняго издыханія, дѣлалъ распоряженія, самыя подробныя, молился или заставлялъ читать молитвы, во время которыхъ забывалъ, обыкновенно, свои страданія, самъ считалъ пульсъ свой и расчислялъ, сколько остается еще жить ему... Братъ *) не отходилъ

*) Рѣчь идетъ о старшемъ братѣ, Алексѣѣ, авторѣ „Монастырки“, писавшемъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Всѣхъ Перовскихъ было четверо: такъ, кромѣ Алексѣя, былъ Левъ Перовскій, впоследствии министръ внутреннихъ дѣлъ, и Василій и Борисъ, умершіе въ званіи генералъ-адъютантовъ. Всѣ братья, кромѣ Алексѣя, получили впоследствии, за службу, графское достоинство (см. сочиненіе кн. А. А. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ“).—П. З.

отъ постели его съ начала болѣзни до послѣдней минуты; ему продиктовать онъ два завѣщанія; по его на-
поминанію, примирился съ сыномъ *) и велѣлъ ему на-
писать *статьи* для сестеръ и для него самого, для
брата, сказавши: „Пиши, что хочешь, я на все согла-
сенъ“. Братъ, однако, отъ всего отказался. Сестрамъ
дадутъ наслѣдники то, что приказывалъ графъ, если за-
хотятъ, а мы довольны тѣмъ, что дано намъ прежде. Братъ
завѣщаніемъ симъ сдѣланъ главнымъ исполнителемъ
воли графа, и къ нему во многомъ должны будутъ от-
носиться сами наслѣдники,—и тогда они увидятъ, какъ
и для кого воспользовался онъ послѣднею довѣрен-
ностью отца. Изъ насъ же, къ счастью, не найдется ни
одного, который бы въ полной мѣрѣ не былъ благода-
ренъ Алексѣю за его поступокъ безкорыстный.

„Въ послѣдніе три дня была при графѣ и княгиня
Репнина **).

„Вотъ, милый другъ Василій, краткое описаніе страш-
ныхъ минутъ. утѣшительныхъ развѣ лишь тѣмъ, что
онѣ заглаживаютъ вполнѣ все, что въ жизни могло
быть не совсѣмъ похвально. Никто, однако, не въ правѣ
роптать на него: всѣхъ онъ вспомнилъ.

„Прощай! Въ другой разъ буду писать тебѣ болѣе.
Кланяйся Тургеневу и не забывай вѣрнаго твоего—
В. Перовскаго“.

Затѣмъ, въ слѣдующемъ письмѣ къ Жуковскому,
писанномъ изъ того же Почепа—имѣнія скончавшагося

*) Съ графомъ Петромъ Алексѣвичемъ Разумовскимъ, который
былъ *старшимъ* изъ законныхъ сыновей графа А. К.; младшій же
братъ, гр. Кириллъ Алексѣвичъ, страдавшій неизлечимою душев-
ною болѣзнію, содержался въ это время, подъ строгимъ присмо-
тромъ въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.—II. 3.

**) Княгиня Варвара Алексѣвна, законная дочь графа отъ су-
пругества съ гр. В. П. Шереметевой („Семейство Разумовскихъ“,
т. II). Она одна изъ всѣхъ четырехъ *законныхъ* дѣтей графа А. К.
присутствовала при его смерти.

графа,—Перовскій говоритъ о многихъ тяжелыхъ неприятностяхъ, происшедшихъ тотчасъ же послѣ похоронъ, въ домѣ Разумовскаго: различная челядь, желая поделужиться *законнымъ* наслѣдникамъ, стала увѣрять ихъ, что братья Алексѣй и Василій Перовскіе „расхищали, предъ смертью графа, имущество его“... Идеально честная и безкорыстная душа Василя Алексѣевича Перовскаго была глубоко оскорблена и возмущена этими клеветами. Вотъ часть этого письма:

...„Неприятностямъ разнаго рода нѣтъ счету... Мы—я и братъ—снесли все терпѣливо, *ко всему* приготовившись заранее; но теперь задѣваютъ и оспариваютъ наше самое законное наслѣдство—*честь*. Подлые люди, не знавшіе, что имѣется завѣщаніе покойнаго графа, думая, что оно совершено въ нашу пользу и желая прислужиться *законнымъ* наслѣдникамъ, подали во всѣ присутственныя мѣста „протестъ“ и, сверхъ того, массу доносовъ... Несмотря на то, что братъ, стоя на колѣняхъ у смертнаго одра графа, думалъ только объ успокоеніи умирающаго отца, примирилъ его съ законными дѣтьми, отказался, при духовникѣ и свидѣтеляхъ, отъ всѣхъ личныхъ въ завѣщаніи выгодъ,—несмотря на все это, доносы, наполненные гнуснѣйшими клеветами, возымѣли свой ходъ и дошли до министра внутреннихъ дѣлъ. Я пишу о томъ нынѣ къ великому князю, прошу довести все до свѣдѣнія государя—и не хочу никакой другой награды за прошлую и будущую мою службу.

...„Братъ объявилъ *законнымъ* наслѣдникамъ, что пусть все, данное раньше, возьмутъ отъ насъ, что мы—выше расчетовъ и интересовъ, и что онъ счастливъ тѣмъ, что графъ умеръ на рукахъ его и что въ послѣднія минуты онъ своею сыновнею любовью доказалъ, что *предъ Богомъ нѣтъ разницы между дѣтьми законными и незаконными*... Алексѣй не требуетъ другой награды, кромѣ одной—чтобы память графа не была помрачена подлыми и злыми людьми.

„Прощай, другъ мой! Будьте всѣ здоровы.—В. Перовскій“.

Вотъ въ какихъ прекрасныхъ, благородныхъ выраженіяхъ вылилась истинная сыновняя любовь и почитаніе къ памяти отца со стороны друга Жуковского—и какое глубокое негодованіе проявилось въ его честной и прямой душѣ, оскорбленной въ ея самыхъ чистыхъ и лучшихъ проявленіяхъ!.. Все это—и свою скорбь, и негодованіе—Перовскій спѣшитъ повѣдать, прежде всего, своему „другу души“, поэту Жуковскому, умѣвшему, несомнѣнно, исполнѣ его понять и откликнуться ему...

Къ крайнему сожалѣнію, для болѣе полной характеристики взаимныхъ отношеній этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, недостаетъ писемъ Жуковского къ Перовскому, уничтоженныхъ, какъ мы упоминали выше, самимъ Перовскимъ, передъ смертью. Изъ сохранившихся же писемъ мы приведемъ здѣсь и второе письмо, написанное терявшимъ уже зрѣніе Жуковскимъ къ своему другу—по полученіи извѣстій о томъ, что Перовскій, бывший совсѣмъ уже при смерти, выздоровѣлъ и что съ нимъ, при этомъ, произошелъ нѣкоторый душевный переворотъ, „перемѣнившій направленіе его жизни“. На этомъ письмѣ, найденномъ послѣ смерти Перовскаго въ его „особо важныхъ“ бумагахъ, сдѣлана была его рукою слѣдующая надпись: „Передать, послѣ моей смерти, графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой“, которой—онъ зналъ—будетъ очень пріятно имѣть это письмо Жуковского, особымъ уваженіемъ котораго и любовью она пользовалась. О графинѣ А. А. и упоминается въ началѣ этого интереснѣйшаго письма:

„Мой милый Перовскій!

„Все, что графиня Толстая рассказывала мнѣ о послѣднемъ времени твоей жизни, наполнило благоговѣніемъ мое сердце. Оказывается, нѣсколько мгновений перемѣнили направленіе твоей жизни... Понимаю исполнѣ,

что съ тобою было,—и если-бы можно было въ подобныхъ случаяхъ завидовать, я сказалъ бы, что завидую тебѣ. Кто провелъ нѣсколько ночей, какъ ты, въ чтеніи Евангелія въ виду приступающей уже смерти, въ переборѣ всего своего прошедшаго, и кто сдружился такъ, какъ ты, въ эти минуты со смертью, тотъ получилъ самое желанное—то, чего мы никакими усиліями воли своей получить не можеуъ—получилъ *опытъ сердца*. Вѣра есть не иное что, какъ опытъ надъ нашимъ собственнымъ сердцемъ. Съ тобою случилось то *великое*, которое дается немногимъ—и, судя по словамъ Александрины, я нахожу, что ты своимъ здравымъ умомъ выбралъ именно тотъ путь, по которому ты наилучшимъ, наиболѣе свойственнымъ тебѣ образомъ дойдешь къ той цѣли, которая такъ чудно была тебѣ указана самою смертью, бывшей въ этомъ случаѣ лишь временнымъ посланникомъ—изъяснителемъ Божіей воли. Это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствій*), съ новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свѣше на землю, съ новыми понятіями о жизни, взятыми въ изустномъ наставленіи *смерти*, это смиреніе христіанина и стремленіе исполнять волю Спасителя, тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе — лучшей дороги ты выбрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что тебѣ сказали тѣ святые ночи ожиданія смерти, въ которыя изъ своего Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель.

„Ты—человѣкъ практическій; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. Возьми съ собою своего Спасителя въ земную дѣятельность, посади Его съ собою на оренбургское губернаторство—пусть Онъ будетъ вездѣ и во

*) Тотчасъ же по выздоровленіи, въ томъ же 1851 году, Перовскій отправился вновь въ Оренбургъ, назначенный на постъ оренбургскаго и самарскаго генераль-губернатора и командира оренбургскаго отдѣльнаго корпуса.

всемъ съ тобою,—и изъ этого выйдетъ, наконецъ, миръ сердца, и въ свое время возобновятся для тебя тѣ *святыя ночи*, которыя были такъ благодѣльно, самимъ Богомъ, тебѣ ниспосланы, но въ которыя уже смерть тебя не обманетъ, а возьметъ на свои руки—къ утѣшенію всѣхъ, кто пойметъ подобное таинство.

„Я ѣду скоро, то-есть черезъ недѣлю, въ Россію. Пишу къ тебѣ съ закрытыми глазами, которые у меня разболѣлись. Въ отечествѣ, можетъ быть, увидимся *),—хотя мнѣ трудно вообразить, чтобы ты могъ оставить то мѣсто, которое теперь самъ себѣ выбралъ—и нельзя желать, чтобы ты его оставилъ. Наша жизнь давно развела насъ. Теперь, на старости, разными путями, попали мы на одну дорогу. Заведемъ въ Россіи переписку—разъ въ мѣсяцъ, страницу или двѣ; кажется, дѣло сбыточное. Правда?—а увидишь, что не сбудется.. Ну, прощай!—Жуковский“

„Р. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ въ дополненіе къ сказанному. Ты не созданъ для созерцательной жизни, хотя все подобное весьма доступно твоему уму. Если ты, вслѣдствіе того, что съ тобою произошло, захочешь *насилъственно* предаться внутренней жизни, ты только *надорвешь душу*—и ничего не достигнешь. Твоя душа созрѣла на боевомъ полѣ жизни,—туда перенеси и внутреннюю ея жизнь. Какъ возвысится теперь все то, что прежде дѣлалось въ смыслѣ одного только долга и что *теперь* будетъ дѣлаться въ смыслѣ того же долга, но уже не сухого, земного, а превращеннаго въ жизни въ смиренную покорность Спасителю! Къ этому можно присоединить правило St.-François d'Assises: „Sentez, mais ne consentez pas“. Мало ли что осаждаетъ нашу душу! Мы не можемъ не чувствовать то, что само собою входитъ въ наше сердце; но мы всегда можемъ

*) Этой надеждѣ Жуковскаго не суждено было осуществиться: въ ночь съ 12-го апрѣля на 13-е, 1852 года, онъ въ Баденѣ же и скончался.

съ нимъ не соглашаться. Въ такомъ случаѣ, всякое дурное чувство становится намъ чуждымъ, становится только испытаніемъ души, полезнымъ ей, какъ гимнастика тѣлу.

„Не подумай, чтобы я принималъ роль твоего наставника. Нѣтъ! а говорить о такомъ предметѣ именно съ тобой—будетъ мнѣ къ добру: самого себя лучше узнаешь. А знать самого себя—значитъ бить себя по щекамъ ежеминутно“.

„Бадень, Іюль, 1851“.

Это было *последнее* письмо Жуковского къ Перовскому. Въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ, онъ скончался, окруженный своими родными—по женѣ—и напутствуемый священникомъ Базаровымъ, состоявшимъ при православной церкви въ Штутгардѣ. Последніе дни и часы Жуковского подробно описаны о. Базаровымъ въ его довольно пространномъ и интересномъ письмѣ „О кончинѣ Жуковского“, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Ко всему вышесказанному о дружбѣ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей я нахожу не безынтереснымъ добавить еще слѣдующее. Когда, три года тому назадъ, гр. А. А. Толстая передала мнѣ пачку писемъ графа В. Перовскаго къ разнымъ лицамъ, я замѣтилъ, что на большинствѣ изъ нихъ сдѣланы кѣмъ-то отмѣтки синимъ карандашомъ—и на поляхъ, и въ текстѣ—въ формѣ скобокъ, крестиковъ и вопросительныхъ знаковъ,—какъ будто бы кто-то собирался сдѣлать изъ нихъ выписки. Я обратилъ на это обстоятельство вниманіе графини А. А.—и узналъ очень любопытную вещь, а именно, что эти отмѣтки сдѣланы рукою Л. Н. Толстого, которому, по его просьбѣ, всѣ эти письма были высланы графиней же—въ 1878 году, когда Л. Н., задумавъ писать романъ „Декабристы“, изучалъ „то время“ и, между прочимъ,

остановился на крупной фигурѣ двадцатыхъ годовъ—на В. А. Перовскомъ. Затѣмъ, въ письмахъ разныхъ лицъ, хранимыхъ графинею А. А., я встрѣтилъ и самое письмо Л. Н. Толстого, относящееся къ этому дѣлу. Я позволю себѣ привести здѣсь это въ высшей степени интереснѣйшее письмо, часть котораго мнѣ довелось уже цитировать въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, за минувшій годъ.

Вотъ это письмо Л. Н. Толстого, въ которомъ, между прочимъ, онъ говоритъ *объ обоихъ* этихъ людяхъ—Перовскомъ и Жуковскомъ вмѣстѣ:

„Ваше сомнѣніе, дорогой другъ, насчетъ моего выздоровленія было, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливо: я продолжаю хворать и лишь недавно—дня четыре—всталъ съ постели.

„Очень-очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для петербургской поѣздки, если-бы, кромѣ этого, у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ; желаніе это уже дошло до тахитисъ; теперь нуженъ толчокъ... А толчка этого нѣтъ; даже, скорѣе, случился толчокъ обратный, въ видѣ моего нездоровья... Буду ждать. Личность Перовскаго вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits;—такимъ и я представляю его себѣ; и такая фигура—одна, напоминающая картину; біографія его—была бы груба *); но съ другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напр., Жуковский, котораго вы, кажется, хорошо знали, а главное съ *декабристами*,—эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры,—выражаетъ вполне *то время*.

*) Надо обратить вниманіе, что Л. Н. Толстой писалъ эти строки еще до полученія имъ отъ графини А. А. Толстой просимыхъ „свѣдѣній“, т.-е. писемъ Перовскаго къ Жуковскому и другимъ лицамъ, по прочтеніи которыхъ едва-ли можно уже было бы найти „біографію“ Перовскаго—„грубой“.

„Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени двадцатыхъ годовъ,—и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню—тридцатые года—уже исторія!.. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришелъ на богатый рынокъ и, оглядывая всѣ эти, къ его услугамъ предлагаемыя овощи, мяса, рыбы, мечтаетъ о томъ, какой бы онъ сдѣлалъ обѣдъ... Такъ и я мечтаю,—хотя и знаю, какъ часто приходилось прекрасно мечтать, а потомъ портить обѣды, или ничего не дѣлать... Ужъ! какъ пережаришь рябчиковъ, потомъ ничѣмъ не поправишь! И готовить трудно—и страшно. А обмывать провизію, раскладывать—ужасно весело!..

„Молюсь Богу, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить—до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра; и еще важнѣе,—мнѣ бы хотѣлось сказать; но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть.

„Цѣлую руки у вашей матушки и дружески жму вашу руку.

Вашъ Л. Толстой“.

Просимые Львомъ Николаевичемъ матеріалы и „свѣдѣнія“ были ему даны, но задуманное имъ произведеніе, даже и „приблизительно“, не исполнилось: все ограничилось лишь извѣстными, очень небольшими *отрывками изъ романа „Декабристы“*. Такимъ образомъ, личность самаго близкаго къ Жуковскому друга—Перовскаго—осталась невыясненной.